

Природный дар Нин Цзэ лишь немногим превосходил способности обычного человека. Он мог чувствовать духовную энергию, но на сколь-нибудь значимый прогресс рассчитывать не стоило — выше определённого предела ему было не прыгнуть.

Жизнь такого практика подобна подёнке: краткие шестьдесят лет от рассвета до заката.

В мире совершенствующихся каждый новый этап дарует долголетие, позволяя ещё несколько десятилетий наслаждаться земными радостями. Нин Цзэ же, вероятнее всего, так и застрял бы на стадии Концентрации Духа, не сумев даже подступить к Очищению Ци. А без этого его срок не отличался от срока простого смертного: те же неминуемые болезни, старость и смерть.

К тому же жизнь среди заклинателей ничем не лучше мирской суеты. Напротив, интриг, предательств и жажды наживы здесь в разы больше. Путь к вершине требует колоссальных ресурсов, и каждый день кто-то грабит, убивает и отнимает чужие сокровища. Ученику со столь слабым талантом в этом жестоком мире попросту не выжить.

Для таких, как Нин Цзэ, жизнь среди обычных людей — благословение. Имея крупицу сил, он не даст себя в обиду задирам, но при этом останется в стороне от кровавых распрей орденов. Прожить семьдесят лет в покое и довольстве — что может быть лучше?

Мо Си пришёл на пик Даньхуа лишь потому, что Сюань Чжи упомянул о спасённых детях, чьё поселение терроризировал отступник. Верховный старейшина не ожидал встретить здесь того самого мальчишку, что когда-то выручил его. Решение пришло мгновенно: он не позволит Нин Цзэ вступить в секту Тяньсюань и ступить на этот тернистый путь.

Тот едва заметный жест, которым он коснулся лба юноши, был не благословением, а суровым предупреждением Пожирающей души лиане: ему запрещалось впредь помогать своему носителю.

Глядя на тусклое сияние магического кристалла, старейшина Сунь вопросительно посмотрел на Мо Си. Он не смел и слова вставить без разрешения Верховного старейшины.

— Согласно уставу Тяньсюань, — Мо Си заметил, как ещё сильнее побледнел мальчик, и в глубине души почувствовал укол жалости, но голос его остался ледяным, — во внешние ученики принимаются лишь те, чей дар соответствует уровню четырёх духовных корней и выше. Твоих способностей недостаточно. Мы отправим тебя домой и снабдим достаточным количеством серебра, чтобы ты ни в чём не нуждался до конца своих дней.

Стоявшая поодаль Янь Сюэцзы не выдержала и звонко, издевательски рассмеялась. Этот смех вонзился в сердце Нин Цзэ ядовитой колючкой.

Правила секты... Он знал их. И догадывался, что Мо Си скажет именно это. Но почему-то, несмотря на всю внутреннюю подготовку, в груди болезненно заныло.

— Верховный старейшина, я... я не хочу возвращаться, — Нин Цзэ низко опустил голову, голос его звучал глухо и надтреснуто.

Сюань Чжи, глядя на поведение Янь Сюэцзы, недовольно нахмурился. Девочке было всего семь-восемь лет, и отчитывать её при всех казалось неуместным, поэтому он лишь наградил её свирепым взглядом. Та, впрочем, ничуть не испугалась и лишь скорчила ему рожу.

Мо Си, не упустив эту сцену из виду, не спешил отвечать Нин Цзэ. Вместо этого он холодно обратился к старейшине Суню:

— Правила нашей секты едины для всех. Ученики обязаны блюсти почтение и добродетель. Эти дети только прибыли, и вам надлежит заняться их воспитанием со всей строгостью. Не позволяйте им распускаться лишь из-за юного возраста.

Старейшина Сунь, чьи способности были невелики, годами оттачивал умение угадывать чужие настроения, чтобы сохранять своё место в секте. Он тут же бросил на Янь Сюэцзы сердитый взгляд. Ещё недавно девочка казалась ему перспективной ученицей, которой стоит покровительствовать, но её несдержанность явно разгневала Верховного старейшину.

— Слушаюсь, ваша милость. Я учту ваши наставления, — Сунь низко поклонился.

Янь Сюэцзы даже не поняла, что упрёк предназначался ей, и продолжала злорадно пялиться на Нин Цзэ. Юнь Цзяньчжи, обеспокоенный её поведением, несколько раз подал ей знак глазами, но та решила, что старший брат её подбадривает, и заулыбалась ещё шире.

Юнь Цзяньчжи лишь обречённо вздохнул.

— Твоего таланта недостаточно, — повторил Мо Си, обращаясь к Нин Цзэ.

Понимая, что Верховный старейшина не отступит, юноша почувствовал во рту горечь.

Сюань Чжи не выдержал:

— Старший брат, может, всё-таки примем его? Одним больше, одним меньше...

— Сюань Чжи, тебе давно пора поработать над своей дисциплиной, — отрезал Мо Си.

Старший брат Сюань был искренне озадачен. Обычно его наставник отличался покладистым

нравом, но сегодня почему-то решил проявить небывалое упрямство.

— Старейшина Мо... — решился подать голос У Гуан. — Сюань Чжи прав, возможно...

— И ты туда же, У Гуан? — Мо Си приподнял бровь, и в его голосе прорезались властные нотки.

— Верховный старейшина! — Нин Цзэ вскинул голову и встретился с Мо Си взглядом. — Пусть мой дар скуден, я жажду пройти этот путь. Пусть мне суждено состариться и умереть, не сделав и шага вперёд, — это будет мой выбор и моя судьба. Я не желаю влачить бессмысленное существование в мире смертных...

Он говорил чётко, чеканя каждое слово.

— Прошу вас, дайте мне шанс.

Это была его последняя попытка достучаться до сердца Мо Си. Нин Цзэ исчерпал все доводы.

Глядя на бледное, но исполненное решимости лицо юноши, Мо Си на мгновение заколебался. В его глазах мелькнула тень сомнения. Однако уже в следующую секунду он вновь взял себя в руки.

Нин Цзэ спас ему жизнь, и теперь Мо Си считал своим долгом уберечь его от роковой ошибки.

— Правила непреложны. Сюань Чжи, проводи меня до пика Цинхуа, — Мо Си расправил складки одеяний. — А после лично выпроводи его за пределы секты.

Сюань Чжи виновато посмотрел на Нин Цзэ. Его губы дрогнули, он беззвучно прошептал: «Прости».

Старейшина Сунь увёл остальных детей, чтобы распределить их по комнатам и выдать ученическую одежду. Проходя мимо Нин Цзэ, он лишь сочувственно вздохнул. Будучи сам обладателем всего четырёх корней и не имея особого усердия, он как никто другой понимал горечь этого отказа.

Другие дети не скрывали злорадства. Лишь Юнь Цзяньчжи слегка нахмурился, о чём-то размышляя.

— Так тебе и надо, убийца! — крикнула Янь Сюэцзы, состроив гримасу.

— Молчать! В Тяньсюань чтут порядок, — одёрнул её старейшина Сунь.

Девочка обиженно надулась и пошла за остальными. Напоследок Юнь Цзяньчжи оглянулся: в его взгляде смешались жалость и какое-то странное отвращение.

Рядом с Нин Цзэ остался только У Гуан. Юноша выдавил из себя слабую улыбку, стараясь казаться безразличным. У Гуан ободряюще похлопал его по плечу:

— Попробуй в других школах. Там требования не такие жёсткие.

Тяньсюань — великая секта, и высокий порог вхождения здесь был нормой. Нин Цзэ и сам знал о мелких кланах, принимающих обладателей пяти корней, но как он мог уйти? Человек, о котором он грезил столько лет, стоял прямо перед ним. Как он мог просто развернуться и исчезнуть?

Вскоре вернулся Сюань Чжи. Он смотрел на Нин Цзэ, явно не решаясь что-то сказать. Юноша помог ему и У Гуану, вернул потерянный нефрит, а Сюань Чжи даже не смог уговорить наставника оставить его в секте. От осознания собственного бессилия его грызла досада.

— Старший брат Сюань, что приказал Верховный старейшина? — видя его колебания, мягко спросил Нин Цзэ.

Сюань Чжи нехотя выдавил:

— Дядя велел немедленно вывести тебя за ворота. Тебе нельзя здесь оставаться.

Нин Цзэ мысленно вздохнул, не желая обременять Сюань Чжи. Тот и так сделал всё, что мог.

— Что ж, тогда идём.

Пока они спускались, Сюань Чжи засыпал его извинениями:

— Ты только не держи зла на дядю Мо. Он обычно очень добрый и покладистый, просто, наверное, не в духе из-за недомогания...

— Недомогания? — переспросил Нин Цзэ.

Сюань Чжи кивнул:

— Да, он ранен.

Ранен? Кто мог нанести ему вред? Мо Си ещё много лет назад считался одним из сильнейших мастеров, что уж говорить о нынешнем времени. Сюань Чжи не стал бы лгать, но как такое

могло произойти?

— Насколько всё серьёзно? — слова вырвались у Нин Цзэ прежде, чем он успел подумать. Спohватившись, он кашлянул и сменил тему: — Значит, Верховный старейшина на самом деле человек мягкий?

В этот момент туман, застилавший его разум после издевательств Янь Сюэцзы, окончательно рассеялся. Он вспомнил, как Мо Си завуалированно велел старейшине Суню заняться воспитанием девчонки.

Нин Цзэ почувствовал, как в груди разливается тепло. У Верховного старейшины не было причин заступаться за него, но он это сделал. Обожаемый им образ из воспоминаний наконец обрёл плоть и кровь, став живым человеком.

Сюань Чжи тут же оживился, моментально забыв о недавней неловкости:

— О, я тебе сейчас такое расскажу!..

Он запнулся, вспомнив, что о некоторых вещах болтать не стоит.

— Э-э... на самом деле я и сам не знаю, как он пострадал.

«Ну да, так я и поверил», — подумал Нин Цзэ. Раз уж Мо Си слыл человеком покладистым, значит, шанс ещё оставался.

— Ты говоришь, что он добр, но я этого как-то не заметил...

— Слушай сюда! — Сюань Чжи принялся горячо выгораживать наставника. — Он ведь жизнь мне спас! В детстве я стащил у учителя Жетон Лунного Света, артефакт высшего ранга, и умудрился уронить его в Бездну Чэньлун за пиком Даньхуа. Если бы дядя Мо за меня не заступился, учитель бы меня живьём закопал! Он только с виду такой грозный, а на деле — душа-человек. Помню, как-то один ученик нарушил запрет и сошёлся с простой женщиной. Глава секты хотел его с позором выгнать, но дядя Мо уговорил его простить их, а ту женщину даже приняли в секту...

Нин Цзэ слушал его, и сердце его обливалось кровью. Жетон Лунного Света — легендарный артефакт с невероятной защитой! Говорят, сотни лет назад старейшина Тяньсюань с его помощью выдержал три прямых удара мастера стадии Разделения Духа... Наставник Сюань Чжи явно души не чаял в своём ученике, раз не прибил его на месте.

Но главное было в другом.

— И каков был её дар? — как бы невзначай уточнил Нин Цзэ.

<http://bllate.org/book/17490/1710917>